Объект «Зенит-4»: Технический отчет о несостоявшемся запуске

Ночь, час двадцать. В дежурке темень, только мой старый анализатор светит в морду синим огоньком. База наша — одно название: ангары пустые, кабели ещё в девяностых под корень вырезали, всё, что было медного — давно в приёмке. Мы тут с Саней, по сути, сторожим гнилой бетон и ржавые люки, заросшие бурьяном. Тишина такая, что слышно, как мороз по стенам трещит.

И вдруг — хлопок в наушниках. На частоте 144.500, где годами была только статика, прорезается сигнал. Но не цифра, а гулкий, тяжёлый аналог. Подкручиваю верньер, и тут из динамика вываливается механический голос, с железными интонациями старых лент:

— «Внимание... Всем постам... Объект входит в режим... Боевая подготовка... Начать заполнение магистралей...»

Я замер, тестер из рук чуть не выронил. Оборачиваюсь к Сане, а тот сидит с открытым ртом.

— Какая, нахуй, боевая подготовка? — шепчет он. — Тут же всё мёртвое! Тут меди даже на жучок в розетке не осталось!

Но договорить он не успел. Прямо под нами, в глубине тридцатиметровой шахты, которую мы сто раз считали затопленной помойкой, что-то ухнуло. Тяжело так, утробно. Пол под ногами не просто дрогнул — он пошёл мелкой вибрацией, и с потолка посыпалась рыжая ржавчина. По пустым кабельным каналам пошёл низкочастотный гул. Анализатор зашкалило: работали силовые реле и сельсины. Где-то внизу, в обход всех вырезанных кабелей, включилось то, чего вообще существовать не должно.

Мы выскочили на мороз. Попёрли через сугробы в сторону дальнего сектора, к той самой ШПУ. И там, среди обледенелых кустов, встали как вкопанные. Многотонная крышка шахты медленно, с утробным воем и скрежетом ржавого металла по бетону, приоткрылась на ладонь. Из щели ударил столб ледяного пара — система продувки на азоте. А из старого громкоговорителя на столбе выдало:

— «Контроль герметичности... норма... Давление в первой ступени... 120...»

— Саня, лезем вниз. Надо понять, откуда питание и как вообще эта хуйтя работает, — бросил я.

Мы спустились. Первым делом ломанулись в машинный зал. Там стояли старые дизель-генераторы, все в масле и ржавчине. Я посветил фонарем — баки пустые, сухие, как пустыня, а они крутятся. Без топлива, без звука выхлопа, просто валы проворачиваются со свистом, наводя ток прямо в старые шины. От этого зрелища волосы на загривке встали.

В глубине, за пустой панелью щита, виднелось нечто инородное. Туда уходили тускло-серебристые жилы, вмурованные прямо в бетон. Мы поползли по техническому лазу и в стерильной камере увидели свинцовый контейнер с клеймом секретных энергетик Антарктики. Ионно-урановый блок. Он гудел на грани слышимости, выдавая такую мощь, что воздух вокруг него вибрировал и пах озоном.

Пока мы ковырялись, система нас «срисовала». Лампы мигнули багровым, и механический голос взвизгнул:

— «Обнаружено несанкционированное присутствие посторонних... Перехожу к протоколу очистки...»

Сверху с шипением открылись форсунки — система решила прибить нас газами. Повалил густой, желтоватый туман. Воздух моментально стал горьким, легкие обожгло.

— Рви его, Михалыч! Иначе тут и ляжем! — заорал Саня, задыхаясь.

Я схватил рычаг аварийного сброса на контейнере. ВСПЫШКА! Сине-зеленая плазма залила всю камеру, дуга выжгла воздух. И тут же наступила гробовая тишина. Мы выскочили из люка на мороз, задыхаясь и кашляя. Крышка шахты за спиной медленно осела обратно.
— Мы ничего не видели, — выдавил я Сане. — Короткое замыкание. И всё.
Утром приехало начальство. Мы стояли у дежурки с самыми дебильными рожами, на которые были способны.
— Сообщали о каких-то вибрациях? — лениво спросил полковник, оглядывая наши зачуханные куртки.
Я пожал плечами, как полный идиот:
— Статика, товарищ полковник. Метель, наводки. Видать, в нижних горизонтах коротнуло, там же всё в чернозём превратилось от сырости. Мы рубильник в щитовой дернули — теперь тишина.
Полковник уже заносил ногу в «Уазик», но вдруг замер. Взгляд упал на двух срочников — Петрова и Ванечку.
— Так, Михалыч, Саня... Раз вы тут такие знатоки, пойдете и покажете этим двоим, где там «коротит». Формирую группу дознания. Вы — старшие. Шагом марш к Пятому сектору!
Потащились обратно. Спустились. Дошли до того самого щита. Срочники заикаться начали уже в тоннеле.
— Ну вот, — я посветил в пустую нишу. — Пусто тут. Видите, медь вырезана. А «призраки» — это просто эхо в пустых трубах.
И тут я решил ставить точку. Пока я «забалтывал» полковника, Саня незаметно прислонил монтировку к старой шине, где в конденсаторах остался дикий заряд.
ТРАХ-БАБАХ!
Синяя вспышка на весь коридор. Из репродуктора выдало предсмертный хрип:
— «Объект... Ликвидация... посторонних... начата...»
Я как заору:
— ОНО ОЖИВАЕТ! ЦИКЛ ЗАМКНУЛСЯ! ВАЛИМ!!!
Срочники первыми побили мировой рекорд по бегу вверх. Полковник улетел на «Уазике», теряя фуражку по дороге. Мы вылезли последними и задвинули люк. Базу признали «аномальной зоной». Нас перевели в другой сектор. Мы сидели в новой каптёрке, пили чай. В кармане у меня грелся кусок «серебряной» жилы.
— Думаешь, поймут? — улыбнулся Саня.
— Не-а, — ответил я. — Они теперь до пенсии будут внукам рассказывать, как из ядерного ада спасались. Слава яйцам, напарник, что инженерия — это не только схемы, но и умение вовремя сделать «хуякс».